

или ничтожество. А это и есть самая ужасная сторона смерти, приводившая въ страхъ даже праведниковъ Ветхаго Завета. Напротивъ, смерть христіанина есть разрѣшеніе отъ тяжкихъ узъ земной жизни и приближеніе къ источнику вѣчной радости Христу. Подобіе смерти есть сонъ. Сонъ, какъ и смерть, бываетъ въ различныхъ случаяхъ до такой степени различенъ, что остается только одно имя, а что разумѣется подъ именемъ, разнообразится до неузнаваемости. Вотъ бѣшеная мятель; страшный холодъ сковалъ природу, и леденитъ члены бѣднаго путника. Несчастный выбивается изъ силъ и съ отчаяніемъ и страшной тоской въ душѣ погружается въ глубокой сонъ безъ надежды пробужденія. Другой путникъ счастливо достигаетъ роднаго крова, падаетъ въ объятія отца или друга; ему готовятъ ложе, и онъ, забывъ пережитыя опасности, погружается въ глубокой сонъ. Завтра другъ, раньше его возставшій отъ сна, приблизится къ его ложу съ осторожностью вѣжливой любви, коснется чела, оживленнаго сладкимъ отдыхомъ, и скажетъ: встань, мой другъ; пронеслася бурная ночь, солнце оживитъ съ успокоенныхъ небесъ, и радостный день зоветъ тебя къ радостямъ жизни. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ—сонъ, а какъ безконечно велика разница! Такъ же велика разница между смертію челоуѣка, чуждаго Христу, и смертію христіанина. Христіанинъ умретъ, какъ заснетъ, умретъ съ убѣжденіемъ, что божественный Другъ его (Іоан. XV, 15), не оставляя его сирымъ и въ области смерти, по скончаніи вѣковъ скажетъ: возстань! тебѣ уготованъ новый день бытія, новая земля и новое небо.

Гдѣ же, смерть, твое жало, и что отъ тебя осталось? *).

О почитаніи четвероконечнаго креста.

(Окончаніе **).

Послушайте теперь, православные, что говорятъ на бесѣдахъ о четвероконечномъ крестѣ старообрядцы въ наше обвиненіе и въ свое оправданіе, и поразсудимъ: справедливы-ли рѣчи

*) Заимствовано съ нѣкоторыми измѣненіями изъ „Кіевск. Епарх. Вѣд.“ 1892 г. № 19.

**) См. № 6 „Астрах. Епарх. Вѣдом.“ 1893 года.

ихъ, могутъ-ли эти рѣчи ослабить силу приведенныхъ сейчасъ свидѣтельствъ въ пользу почитанія четвероконечнаго креста.

„Вы, говорятъ нѣкоторые старообрядцы православнымъ, почитая четвероконечный и осьмиконечный крестъ, чтите два креста, а крестъ долженъ быть одинъ, потому что Христосъ на одномъ крестѣ былъ распятъ“. Но если такъ разсуждать, то выйдетъ, что старообрядцы трехъ Христовъ почитаютъ, потому что принимаютъ три разныхъ изображенія Христа: въ полный ростъ, въ поясъ и изображеніе одной главы Его. Они скажутъ, что это изображенія одного Христа, только въ трехъ разныхъ видахъ. Вотъ такъ надо разсуждать и о четвероконечномъ и осьмиконечномъ крестѣ: это не два креста, а одинъ крестъ въ разныхъ видахъ; стало быть, принимая оба эти креста, Церковь чтить не два креста, а одинъ крестъ въ двухъ видахъ.

Говорятъ еще старообрядцы: „Христосъ былъ распятъ на крестѣ осьмиконечномъ—съ титломъ и подножіемъ, поэтому отнимать у креста титло и подножіе значитъ безчестить его“. Такъ. Но Христосъ имѣлъ кромѣ головы туловище, ноги и руки; а на нерукотворенномъ образѣ изображается только одна глава Его. Безчестятъ-ли образъ Христовъ тѣ, которые пишутъ и принимаютъ сей образъ? И старообрядцы скажутъ, что нѣтъ; такъ точно и изображать крестъ Христовъ безъ титла и подножія не значитъ безчестить крестъ.

Особенно часто старообрядцы приводятъ противъ почитанія четвероконечнаго креста и въ пользу одного осьмиконечнаго слова пѣсни Іоанна Дамаскина въ октоихѣ (глас. 2-й, кан. воскр. пѣснь 5-я): „На кипарисѣ, кедрѣ и певгѣ вознесся еси Агнче Вожій“. „Отсюда (выводятъ старообрядцы) видно, что крестъ долженъ быть изъ трехъ деревьевъ: кипариса, кедра и певга, а если изъ трехъ, то, значитъ, онъ долженъ имѣть болѣе четырехъ концовъ“. Но, вѣдь, 1) и сами старообрядцы не могутъ сказать, что они чтутъ крестъ, только именно изъ этихъ трехъ деревъ сдѣланный, даже болѣе того—во всемъ ихъ обществѣ едва-ли найдется хоть одинъ крестъ, который былъ бы сдѣланъ изъ кипариса, кедра и певга; 2) изъ трехъ деревъ осьмиконечный крестъ не выйдетъ, а развѣ только шестиконечный (самымъ

возраженіемъ раскольниковъ предполагается, что изъ каждаго дерева была сдѣлана только одна какаѣ-либо составная часть креста, а не такъ, чтобъ изъ одного дерева были какія-нибудь двѣ части креста). Чтобъ быть ему осмиконечнымъ, нужно еще какое-нибудь четвертое дерево, но въ такомъ случаѣ крестъ будетъ состоять не изъ трехъ деревьевъ, а изъ четырехъ. Такимъ образомъ слова Іоанна Дамаскина сами по себѣ въ пользу почитанія осмиконечнаго креста служить не могутъ. Не могутъ служить эти слова и свидѣтельствомъ противъ почитанія четвероконечнаго креста. Это потому, что и сами отцы Церкви о количествѣ дровъ креста, а стало быть и о числѣ концовъ его, говорятъ не одинаково. По мнѣнію Іоанна Дамаскина, Христовъ крестъ былъ изъ кипариса, кедра и пегы, стало быть имѣлъ болѣе четырехъ концовъ, а по мнѣнію Златоуста, Христовъ крестъ былъ изъ одного дерева-дуба; объ этомъ вотъ какія слова Златоуста приведены въ Соборникѣ на листѣ 495: „О дубе блаженный, егоже царіе чтуть... и перкви поють на немъ распянаго Господа“. Да и концовъ то у Христова креста, какъ мы видѣли выше, по мнѣнію Златоуста, было четыре, не болѣе. Такія неодинаковыя свидѣтельства отцовъ о внѣшнемъ видѣ креста показываютъ только то, что мнѣніе о томъ, каковъ былъ по наружному виду крестъ Христовъ, не есть догматъ вѣры и предоставляется волѣ и разсужденію каждаго. Крѣпко и постоянно нужно знать и помнить, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ за грѣхи наши былъ распятъ на крестѣ, а изъ какого дерева былъ тотъ крестъ, сколько концовъ имѣлъ онъ, этого знать нѣтъ особенной надобности. Все равно, какъ мы знаемъ, что Христосъ предъ Своими страданіями вошелъ во Іерусалимъ на „жеребяти осла“, а какое было то „жеребя“—черное, сѣрое, пѣрое или еще какое, этого намъ нѣтъ никакой надобности знать.

Нерѣдко утверждаютъ еще старообрядцы, что почитаніе четвероконечнаго креста есть новшество, что до патр. Никона такой крестъ не употребляли и не почитали. Въ доказательство этого они ссылаются на помѣщенный въ Никоновей лѣтописи (Ч. 6, стр. 49—50) рассказъ о томъ, что когда въ царствованіе Івана III римскій легатъ входилъ въ Москву и предъ нимъ

несли четвероконечный крестъ, то митрополитъ Филиппъ возсталъ противъ этого, а великій князь, говорится тамъ, „посла къ тому легатосу, чтобъ не шель предъ нимъ крыжь“.—То вѣрно, что по настоянію митроп. Филиппа и повелѣнію царя запрещено было нести предъ легатомъ крестъ, но потому-ли запрещено, что тотъ и другой считали крестъ тотъ недостойнымъ почитанія? Въ указанномъ мѣстѣ лѣтописи говорится, что когда легать входилъ въ Москву и предъ нимъ несли крестъ, данный для большой почести, то митроп. Филиппъ, спрошенный по этому поводу великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ III, сказалъ: „немошно тому быти, еже въ градъ сей ему внити, но и приближитися. Аще ли же тако учиниши, *почтити его хотяй*, то онъ во врата граду, и язъ, отецъ твой, другими враты изъ града... Слышавъ же сія князь великій отъ святителя, посла къ тому легатосу, чтобъ не шель предъ нимъ крыжь, но повелѣ скрыти его.“ Отсюда видно, что четвероконечный крестъ запрещено было нести предъ легатомъ не изъ пренебреженія къ четвероконечному кресту, но изъ опасенія оказать неподобающую почестъ еретику, соблазнительную для русскихъ. Почти тоже случилось и при судѣ надъ Никономъ: онъ шель на Московскій соборъ на судъ, а предъ нимъ несли крестъ, какъ предъ патріархомъ, но соборъ, считая такую почестъ уже неумѣстною для подсудимаго, велѣлъ отобрать крестъ и впредъ ему такъ не являться. Слѣдуетъ-ли отсюда, что русскіе не уважали тогда русскаго креста?

Чтобы унизить четвероконечный крестъ предъ осмиконечнымъ, представить его недостойнымъ почитанія, раскольники называютъ его сѣнью, прообразомъ осмиконечнаго креста Христава, стало быть, не истиннымъ крестомъ. Но мало такъ сказать: надо и доказать, а доказать-то этого имъ нельзя, потому что ни въ св. Писаніи, ни въ старопечатныхъ кнѣгахъ нѣтъ ни одного свидѣтельства, которое бы нарицало четвероконечный крестъ сѣновнымъ. Да и никакъ не можетъ быть четвероконечный крестъ тѣнью осмиконечнаго; тѣнь всегда по внѣшнему виду похожа на свой предметъ, тѣнь осмиконечнаго креста должна быть также съ восемью концами, подобно тому, какъ, напр., тѣнь человѣка бываетъ съ одной же головой, а не съ двумя,

съ двумя руками, а не съ тремя. Затѣмъ, если четвероконечный крестъ есть только тѣнь осьмиконечнаго, то въ новомъ завѣтѣ его употреблять не слѣдуетъ, ибо „прейде сѣнь законная, благодати пришедшей“ (догмат. 2-го гласа), и бесполезно, какъ это можно видѣть изъ словъ апостола: „аще обрѣзаетеся, Христось васъ ничтоже пользуетъ“ (Галат. зач. 211). Но старообрядцы знаменуются четвероконечнымъ крестомъ для освященія себя, и этимъ невольно показываютъ, что четвероконечный крестъ не сѣновный только крестъ, но истинный крестъ Христовъ, ибо сѣновный крестъ освященія подать не можетъ.

„Если бы четвероконечный крестъ“, возражаютъ еще старообрядцы, „самъ по себѣ имѣлъ силу, то не было бы положено священнику осѣнять его рукою, т. е. освящать“. Но священникъ освящаетъ не самый крестъ, а одежду, имѣющую на себѣ этотъ крестъ. На кадилѣ и просфорахъ при патр. Иосифѣ былъ осьмиконечный крестъ, но священникъ во время литургіи долженъ былъ благословлять ихъ (Иосиф. служеб. л. 131 об., 127, 160, 168). Значить-ли это, что осьмиконечный крестъ самъ по себѣ былъ не святъ и нуждался въ освященіи чрезъ священническое благословленіе?

А сколько возмутительной хулы возносятъ старообрядцы на четвероконечный крестъ! Такъ, думая похулить его, старообрядцы даютъ ему странное имя „крыжъ латинскій—еретическій“. А того и не знаютъ, что назвать четвероконечный крестъ крыжемъ латинскимъ вовсе не значитъ похулить его. Слово „крыжъ“ польское, по-русски значитъ „крестъ“; такъ называется у поляковъ всякій крестъ, будетъ-ли онъ четвероконечный или осьмиконечный или шестиконечный. Стало быть, назвать крестъ крыжемъ значитъ назвать его крестомъ, только не по-русски, а по-польски. И какая же въ томъ укоризна можетъ быть кресту, что люди, говорящіе на своихъ особыхъ языкахъ, называютъ его своимъ особымъ словомъ.—Затѣмъ, почитаемый нами, православными, четвероконечный крестъ старообрядцы называютъ латинскимъ крыжемъ—*еретическимъ*. Но откуда видно, что латиняне погрѣшали когда-либо въ почитаніи креста? Никогда, никто, никакой ни вселенскій, ни помѣстный соборы не обвиняли латинянь

въ заблужденіи относительно креста Христова. Въ соборномъ изложеніи патр. Іосифа исчислены всѣ неправильности латинской церкви, но о неправильности употребляемаго въ ней четвероконечнаго креста не сказано ни слова; напротивъ, употребляемый въ ней четвероконечный крестъ названъ *Господнимъ* крестомъ („крестъ Господень“ латиняне „почитають“. См. Потребн. Іосифа л. 584 об., Книга Кирилл. 260 об., Кормчая 402 об.).

Нѣкоторые старообрядцы доходятъ до такого неистовства, что, не боясь Бога, увѣряютъ, будто св. Златоустъ въ бесѣдѣ на евангеліе отъ Матѳея учитъ, что четвероконечный крестъ есть кумиръ или идолъ антихриста и мерзость, стоящая на мѣстѣ святѣ, предреченная Христомъ. Но по справкѣ оказывается, что пророчество Христа о кумирѣ или идолѣ, по словамъ Златоуста, относится не къ кончинѣ міра, а ко времени разрушенія Іерусалима; значитъ, раскольники напрасно наводятъ его на настоящее время. Подъ мерзостью же заупустынія, по Златоусту, слѣдуетъ разумѣть не четвероконечный крестъ, а статую кесаря римскаго, которую римляне имѣли внести въ храмъ Іерусалимскій (Бесѣды Злат. на евангел. Матѳ. изд. 1887 г. ч. З-я, стр. 274—275; сравни Благов. Евангел. Матѳ. л. 188).

Иногда старообрядцы дерзостно позволяютъ себѣ называть четвероконечный крестъ „скверною печатью антихриста“. Но по 17 ст. XIII гл. Апокалипсиса Іоан. Богослова печатью антихриста будетъ „имя звѣря или число имене его 666“. Раскольники же не могутъ указать въ четвероконечномъ крестѣ ни того, ни другаго. Напротивъ, печать антихриста, какъ пишется въ книгѣ Ефрема Сирина (л. 298) и въ В. Соборникѣ (л. 131 об.), въ томъ и будетъ состоять, что пріявшій ее не возможетъ крестнаго знаменія (т. е. четвероконечнаго креста) сотворить десной рукой. Іоаннъ Дамаскянъ о четвероконечномъ крестѣ, какъ мы видѣли, пишетъ, что это—„печать, да не коснется насъ всегубяй“ (Вып. Озерск. ч. 2-я, стр. 253). Да, наконецъ, если согласиться, что четвероконечный крестъ печать антихриста, то выйдетъ, что старообрядцы, знаменуясь этимъ крестомъ, полагаютъ на себѣ печать антихриста, каковаго вывода сами они не примутъ.

Чтобы видѣть, сколь тяжкій грѣхъ—хулить четвероконечный крестъ, мы приведемъ одинъ случай суда Божія надъ хулителемъ такого креста. Однажды въ Малороссіи нѣсколько извозчиковъ-старообрядцевъ проѣзжали по полю близъ стоявшаго на перекресткѣ дорогъ четвероконечнаго креста. Одинъ изъ нихъ, увидя крестъ, началъ ругать его. Затѣмъ со словами: „его нужно подмалевать, а то онъ (крестъ) послинялъ отъ дождя и солнца“, началъ раздѣваться, съ намѣреніемъ осквернить крестъ. Товарищъ безумца испугался ужаснаго наруганія надъ крестомъ Господнимъ и бросился бѣжать вслѣдъ за удалявшимся обозомъ. Проѣхавъ еще съ полверсты и не видя оставшаго для исполненія страшнаго намѣренія товарища, они остановили лошадей и четверо изъ нихъ отправились назадъ посмотрѣть, не случилось ли чего съ нимъ. Подойдя ко кресту, они съ ужасомъ увидѣли, что товарищъ ихъ, полураздѣтый, раскинувъ ноги по землѣ, прислонясь къ подножію креста, сидѣлъ, склоня на бокъ голову; синебагровое лице его страшно исказилось; ужасные глаза почти вышли изъ орбитъ. Предъ ними былъ уже не живой человѣкъ, а отвратительный трупъ, въ которомъ образъ человѣческой былъ искаженъ до неузнаваемости. Извозчики, вернувшись съ лошаждю, уложили въ телѣгу трупъ, который тотчасъ же началъ разлагаться. Умершаго похоронили, а событіе это старались держать втайнѣ. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ всѣ Стародубскія слободы узнали событіе во всей подробности. Этотъ случай ясно показываетъ, что четвероконечный крестъ есть истинный крестъ Господень, ибо не послѣдовалъ бы судъ Господень на хулителя его, еслибы онъ не былъ, какъ утверждаютъ старообрядцы, истиннымъ крестомъ. Пусть же порицатели креста Господня, недовѣряющіе словамъ защитниковъ Православной Церкви, вразумятся указаніемъ божественнымъ (Сокрац. изъ статьи въ № 3 „Костромск. Епарх. Вѣдом.“ 1888 года).

Не мало попытокъ дѣлаютъ раскольники, чтобы выпутаться изъ противорѣчія, въ какое они ставятъ себя, когда хулятъ четвероконечный крестъ и въ то же время знаменуются имъ. Такъ они въ этихъ цѣляхъ говорятъ: „образъ или знаменіе креста не то же, что самый крестъ; знаменіе креста, каковое мы

на себѣ полагаемъ, можетъ быть и четвероконечное, самый же крестъ долженъ быть осмьмиконечный“. Но, по словамъ св. Германа, „крестъ и образъ креста едина есть вещь“ (В. Соборн. л. 316); и св. Кирилль Іерусалимскій знаменіе крестное считаетъ тѣмъ же крестомъ и приписываетъ ему такую же силу, какую имѣетъ и крестъ Христовъ: „Не стыдимся“, говоритъ онъ, „крестомъ Христовымъ, но во всѣхъ дѣлѣхъ нашихъ *знаменаемъ* имъ... Противникъ нашъ діаволъ, видя *крестъ Христовъ* и *знаменіе* Его, отбѣгаетъ“.

Нѣкоторые старообрядцы вмѣсто высказаннаго сейчасъ возраженія дѣлаютъ замѣчаніе, что только изображаемый въ крестномъ знаменіи четвероконечный крестъ святъ, — а святъ онъ здѣсь отъ двуперстнаго сложенія. Но крестъ святъ, когда онъ и единымъ перстомъ начертанъ: Вароній на л. 237 (ч. 1-я) приводитъ заимствованный у св. Елифанія рассказъ о нѣкомъ христіанинѣ Іосифѣ, коему жиды препятствовали обжигать кирпичи для построения христіанскихъ храмовъ. „Онъ же воду крестомъ святымъ назнаменовъ и *перстомъ* крестъ на ню возлагая, пещь окропи, и абіе огонь возжегся“. Крестъ даже не перстами начертаваемый въ помазаніи елеемъ и мѣропомазаніи, а спицей, губкой и кистью, подаетъ освященіе (Потребн. Іоас. л. 116, 118).

Есть еще старообрядцы, которые говорятъ, что начертаваемый въ крестномъ знаменіи четвероконечный крестъ имѣетъ у нихъ освятительную силу отъ того, что въ мысляхъ они имѣютъ осмьмиконечный крестъ. Но если четвероконечный крестъ самъ по себѣ силы не имѣетъ, то почему же однако старообрядцы изображаютъ его на себѣ рукою? Слѣдовало бы имъ изображать на себѣ рукою осмьмиконечный крестъ. „Осмьмиконечный крестъ мы и изображаемъ на себѣ рукою (вывертываются еще такъ нѣкоторые старообрядцы): кладемъ два перста на чело—вотъ два конца креста, еще два кладемъ на чрево—вотъ четыре конца, еще по два перста на правое и лѣвое плечо—вотъ стало восемь концовъ креста“. Но гдѣ же въ этомъ крестѣ подножіе, гдѣ титло, ихъ вѣтъ,—стало бы это будетъ не осмьмиконечный крестъ. Притомъ, если допустить, что двумя перстами изображается въ данномъ случаѣ осмьмиконечный крестъ, то крестъ,

изображаемый, напр., въ елеосвященіи, если считать каждый волосокъ кисточки за особый конецъ креста, нужно будетъ признать состоящимъ изъ тысячи концовъ...

Итакъ, остаются тщетными попытки раскольниковъ отвергнуть и унижить четвероконечный крестъ и вывернуться изъ затрудненія, въ какое сами они поставляютъ себя этимъ: истина, что четвероконечный крестъ есть истинный Христовъ крестъ, достойный почитанія наравнѣ съ осьмиконечнымъ крестомъ, остается во всей своей силѣ. Значить, старообрядцы, отвергая и понося четвероконечный крестъ, поступаютъ, какъ враги креста Христова... О такихъ людяхъ апостоль Павелъ нѣкогда въ посл. въ Филипп. (гл. III, ст. 18) со скорбью сердца писалъ вотъ что: „Многіе, о которыхъ я часто говорилъ вамъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ, какъ враги креста Христова; *изъ концевъ — погибель*“. Эти слова апостола всею своею тяжестью падаютъ на нашихъ старообрядцевъ: имъ апостоль за ихъ вражду противъ четвероконечнаго креста предрекаетъ погибель, — погибель вѣчную, неминуемую, если они не признаютъ и не почтять этого креста за истинный крестъ Христовъ наравнѣ съ крестомъ осьмиконечнымъ.

Да и сами разсудите, братіе старообрядцы, слѣдуетъ-ли вамъ за концы отъ Церкви Божіей отдираться: вѣдь, когда мы и вы почитаемъ св. крестъ, не потому почитаемъ, что онъ изъ такого-то дерева сдѣланъ, столько-то концовъ имѣетъ, но потому, что на немъ распятъ былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. А безъ того онъ никакого почтенія не былъ достоинъ, изъ чего бы онъ ни былъ сдѣланъ и сколько бы концовъ ни имѣлъ. До распятія на немъ Господа онъ не былъ почитаемъ. А если крестъ вы почитаете не ради концовъ, а ради Христа, такъ не для чего вамъ и спорять съ нами и отдѣляться отъ св. Церкви за концы креста, потому что въ вѣрѣ во Христа мы съ вами согласны: одинаково съ вами признаемъ Его за Искупителя своего, равно Его крестными заслугами хвалимся и спасаемся уповаемъ.

Священникъ Т. Березинъ.

